

ШАМИЛЬ СУЛТАНОВ

ПРОЕКТ СТАЛИНА: НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

“Кто мы? И где мы?”

Народ – совокупность, сообщество людей, которые осознают свою общую судьбу, и которые осознанно хотят оставаться хозяевами этой своей судьбы. Они вместе готовятся к неизвестному “завтра”, которое будет то ли в весенних цветах и запахах, то ли в болотных, сумеречных туманах, то ли в черных, нескончаемых штормах, то ли в безмятежности иллюзорного счастья.

Народ – это когда большая часть людей чувствует, ощущает свою кровную ответственность за это “завтра”. И не только перед своими детьми и внуками, но и перед совместным прошлым, перед своими ушедшими предками.

Ответственность за будущее и ответственность за прошлое. Вот что важно, прежде всего. Только тогда появляется ответственность за сегодняшний день.

Если есть такая ответственность, есть Народ. Нет ответственности, то и народа нет. А есть просто некое быдло.

Народ изначально не биомасса. А когда превращается в биомассу, то это уже не народ.

Сталин создал культ “великого народа”. Сталина уже давно нет, великого советского народа тоже нет, а незримый культ всё еще витает.

Всё, что рождается, обязательно умирает. Рано или поздно. Рождение и детство, юность и зрелость, старость и смерть. Это незыблемый закон.

Народы не исключение.

Если средняя продолжительность жизни среднестатистического человека – семьдесят-семьдесят пять лет, то средняя продолжительность жизни народа 350–400 лет. А потом очень многое меняется: язык, базовые архетипы и ценности, модель ответственности, тип доминирующей в социуме личности...

Вроде бы тот же самый народ, но нет – всё уже другое...

Обычно первая стадия становления народа – героический период. “Жизнь или смерть”. Другого варианта в постоянных боях за выживание просто нет. “Народ-орда” – это когда общая судьба или общая смерть. “Орда – это вооруженный народ-государство”, то есть органическое единство народа-государства. Нет противопоставления между высшими и низшими. Нет отчуждения между вождями и рядовыми. Всё определяется личными качествами – мужеством, умом, волей, неординарным опытом. Каждый может стать вождем и найти своё место среди лучших. Если он герой. Но вожди и наилучшие гибнут чаще, чем остальные. Ибо это орда. А орда, в конечном счёте, – это справедливость смерти.

Позднее, в официозных исторических хрониках, период “народ-орда” либо стирается вовсе, либо полностью извращается.

Вторая стадия – “народ-государство”. С одной стороны, высочайшее самосознание ответственности большинства за свою общую судьбу. Здесь народ не назовёшь толпой. С другой стороны, уже появляется противопоставление оформляющейся элиты, вождей. “Наилучшие”, опираясь на народ, сдерживают многочисленных тщеславных кандидатов в вожди и тираны. Хотя социальное отчуждение только намечается, народ (не толпа), так или иначе, в значительной степени по-своему и достаточно эффективно контролирует государственные институты. В обществе по-прежнему доминирует ощущение общей судьбы.

Третий период – “государство-толпа”. Формально и официально – самый длительный период жизни народа. Народ уже не контролирует государство и не может это делать. “Государство – это я”. То есть король, царь, хан, президент, генсек. “Государство – это организованное насилие”. Окончательно оформляется парадоксальный конфликтный треугольник: так называемые вожди – так называемая элита – народ-толпа. Именно здесь корень неизбежности дальнейшего системного кризиса. Но в любом случае большинство обречено на исторический проигрыш.

Качества элиты, её гомогенность, её способность сохранить ответственность за народ играют решающую роль. Но ответственность за режим вытесняет ответственность и за народ, и за государство. Далее следует неизбежная деградация элиты, превращение её в квазиэлиту неминуемо приводит к скорой деградации и режима, и государства. При этом абсолютное большинство народа постепенно, незаметно скатывается в скотское, рабское положение, постепенно теряя свои изначальные качества.

Наконец, последний, четвёртый период: системный кризис открыто выступает на историческую сцену, превращаясь в решающий фактор то ли окончательной деградации, то ли неожиданного скачка – через революцию – вверх, в Неизвестность. Главный принцип: “или-или”.

Исчезают окончательно остатки реального элитарного мышления и элитарного сознания. Власть переходит к антиэлитам, которые стремятся только к “личному обогащению”. Мелкобуржуазность, всеохватывающий партикуляризм воцаряется в общественном сознании. Происходит всеобщее нравственное разложение: “можно всё, лишь бы не попасться”. Тотальная деградация государства проявляется, прежде всего, в беспрецедентных формах коррупции и воровства. Население окончательно и бесповоротно превращается в народ-быдло.

Это не линейный и не заранее предопределённый процесс. В течение четырёхсот лет появляются исторические шансы. Некоторые, например, китайцы, римляне и византийцы, ими воспользовались. Другие – нет. В основном из-за низкосортности вождей.

Николай II и Сталин

К концу 1916 года в Российской империи вдруг резко обострился и забурлил весь копившийся уже долго сложнейший клубок противоречий: социально-экономических, классовых, политических, идеологических, этно-национальных, внутри-региональных.

Общенациональный системный кризис неуклонно и драматически приближался к своей финальной фазе.

Ещё вчера, казалось бы, гордый имперский народ как-то неожиданно скукожился, а потом парадоксальным образом куда-то взял и выветрился. Как писал В. Розанов в “Апокалипсисе нашего времени”: “Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “Великого переселения народов”. Там была – эпоха, “два или три века”. Здесь – три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего”.

С. Трубецкой приводит такой вот поразительный пример. Осенью того же 1916 года резко усилилось дезертирство из армии. Немногочисленные представители патриотической интеллигенции приходили на вокзал и, пытаясь

как-то воздействовать на толпы прибывающих дезертиров, взывали: “Вы же русские!”, “Вы должны защитить русский народ!”, “Русский народ надеется на вас!”.

А вот типичные ответы, которые приходилось тогда выслушивать этим интеллигентам-идеалистам: “Я не русский, а саратовский!”, “Я не русский, а казак!”, “Я не русский, а вятич!”, “Ты – русский? Вот и иди на фронт, кормить вшей!”

Всего несколько лет открытого системного кризиса вкупе с войной привели к победе регионального, провинциального самосознания над имперским духом, самоощущением большого народа. Империя рухнула, и вдруг куда-то неожиданно исчезло самоощущение принадлежности к общей большой судьбе.

И это была не сиюминутная эмоциональность, а страшная, глубинная, всё более разворачивающаяся социальная тенденция. В 1919 году, в самый тяжёлый год гражданской войны, страна фактически раскололась на 120 частей.

Вообще надо сказать, что гражданская война – это наилучшее средство вытравливания осознания национальной и государственной идентичности.

В 20-е годы, на фоне последствий страшной гражданской войны, массового голода 1921–1922 годов, резких колебаний во внутренней политике деградация и фрагментация социума продолжались. Улетучиванию правового сознания, резкому ослаблению нравственности, отчуждению социума от какого-то непонятого коммунистического государства способствовали многочисленные ультралевые эксперименты в культурной, образовательной и социальной сферах. Ожесточённая внутривластная борьба приводила к тому, что ещё вчерашние революционные кумиры, представители “ленинской гвардии” вдруг в одиночестве превращались во “врагов партии”.

В 1921 году, в условиях действительного экономического одичания, в Советской России была провозглашена “новая экономическая политика”. Буквально за несколько лет в стране возродился класс, с которым, казалось, беспощадно боролись на протяжении всей гражданской войны и который, казалось, был уже уничтожен.

Но он не только быстро возродился, но и вновь быстро разбогател, особенно при поддержке соответствующих партийных и силовых кураторов. “Крыша” она и тогда была “крышей”. В октябре 1923 года Дзержинский в своём письме к Сталину выделяет основные методы воздействия нэпманов на высокопоставленных представителей советской власти: “подкуп и развращение”. Хотя понятно, что подкупить и развратить можно только того, кто хочет быть подкупленным и развращённым. Так стала формироваться коммунистическая коррупционная система.

Напряжение в стране росло, и массовая коммунистическая болтовня только усугубляла ситуацию.

Когда появилась непосредственная угроза перерождения революции, нэп был отменён. И вот тут появляется очень интересный, вплоть до нашего времени, вопрос: а куда же подевались эти пять или шесть миллионов “нэпманов”? Неужели они стройными рядами пошли на стройки и на заводы? Конечно, нет. Или их репрессировали, у них отняли спекулятивно нажитый капитал? Нет, таких оказалось всего лишь несколько десятков тысяч по всей стране.

Так вот, очень многие из этих нэпманов, которые прекрасно знали правило, что надо “делиться”, оказались либо в партийных и советских органах, либо в структурах, близких к таким органам. Короче, ближе к своим негласным коммунистическим кураторам по коррупционной системе. Между прочим, как раз в конце двадцатых – начале тридцатых годов вывоз коммунистическими бонзами за границу золота, драгоценных камней, произведений искусства и других ценностей достиг своего пика.

Летом 1928 года в основных промышленных центрах Советского Союза вспыхнул острый продовольственный кризис. Несмотря на хорошие урожаи последних лет, в крупные города медленно вползло ещё не забытое отчаяние массового голода. Генеральный секретарь ВКП(б) И. В. Сталин поехал в многомесячную поездку по стране, чтобы убедить крестьян продавать хлеб для голодающих рабочих.

В Красноярском крае высокопоставленная делегация из Москвы направилась на юг, в сторону Шушенского, одного из наиболее зажиточных и многочисленных сёл. Сталин сам выступил на импровизированном митинге. Он говорил о пухнувших в городах от голода детях, об их родителях, которые за

станками теряли сознание, говорил о том, что стране нужен хлеб, чтобы выжить... От имени высшей государственной власти он просил хлеба.

Сотни крепких сельчан, собравшихся послушать “нового красного царя”, шумно лузгали семечками и открыто посмеивались над странной, негромкой, с сильным акцентом, речью невысокого грузина. Когда Сталин закончил говорить, один из местных богатых и авторитетных мужиков, сплюнув шелуху от подсолнечника под ноги генсеку, громко сказал: “Вот лично тебе, рябой, я пшеничку дам. Целых четыре мешка. А? Ты вот только того, спляши здесь сейчас...”

Если бы в 1898 году в это же село приехал царь Николай II, эти крестьяне или их родители на коленях встречали бы царя и не осмелились бы поднять голову.

Историки говорят о действительном, глубинном противоречии, существующем в душе русского человека. С одной стороны, он обладает сильным государственно-инстинктом. В условиях Велико-русской равнины ни семейные, ни родовые, ни племенные связи не могли дать безусловных гарантий безопасности человеческой жизни. Только мощное государство может стать таким гарантом.

Но, с другой стороны, русский человек одновременно есть анархист и революционер. Когда он постоянно сталкивается с “мерзостями каждодневной жизни”, с конкретными оскорблениями и унижениями со стороны представителей власти, с ужасающим воровством, аморальностью “государевых слуг”, коррупцией, беззаконием, он может стать и часто становится бунтовщиком, врагом мерзопакостного государства.

Как из населения сделать авангард истории?

Если совершенно честно, то к началу 30-х годов народа в стране как такового и не было. Ну, ладно, если он как социально-политическая общность все же и существовал, то, в лучшем случае, это было весьма жалкое, убогое зрелище. Определение “великий”, “героический”, “авангард исторического процесса” и т. д. в отношении советского народа сформулировал именно Сталин. В нескончаемых внутривластных дискуссиях 20-х годов такого пафоса в отношении народа практически не было. Да и в истории Российской империи образ “народа-героя” никогда не использовался. Великими были государи, сама российская монархия, династия, империя, но никак не подданные, которых с трудом можно было представить в виде некоего совокупного, единого народа.

Соответствует ли нынешний российский народ сталинским критериям “великого”, “героического”? Можно ли его назвать “авангардом исторического процесса”? Мог бы нынешний российский социум выиграть войну у фашистской Германии?.. Ответ может быть только: “Нет, нет, нет!” Эти “нет” — лучшая иллюстрация к вопросу о роли личности в истории.

Но ведь именно “народ” в рамках марксистско-ленинской теории является главным историческим субъектом. И Сталин понимал, что есть население, а действительного-то народа в стране нет.

Что он тогда сделал в этом отношении, после того как все основные рычаги власти к середине 1929 года оказались у него в руках, и он публично, на пленуме ЦК заявил о неизбежности приближающейся войны и о категорической необходимости выработки и реализации мобилизационной стратегии?

Во-первых, Сталин, как истинный марксист и ленинец, начинал и политически, и пропагандистски, и идеологически, и организационно создавать “культ народа”. В той исторической ситуации это имело первостепенную важность. Нужна была новая опорная точка для качественно новой самоидентификации и консолидации разобщённого, расколотого социума. Начинает создаваться особое поле гравитации: само понятие “великий народ” приобретает неожиданный магический аромат: “я” нахожу свою сущность, когда сливаюсь с этим великим “мы”. “Мой личностный смысл жизни вдруг проясняется, когда я становлюсь частью великого народа”.

Причём Сталин как большевик в данном случае под народом имел в виду, прежде всего, не этно-национальный компонент, а социально-политический феномен, политическую нацию нового типа.

Во-вторых, если советский народ является “авангардом исторического процесса”, то соответственно он должен реализовывать кардинально новый цивилизационный проект – построение, созидание принципиально нового типа общества и государства как примера для всего остального человечества.

Это и есть грандиозное, великое “общее дело”. То есть не просто тупая, многословная пропаганда по поводу некоего великого народа, а “общее дело” через вот эту реальность, через этот огромный труд, через то, что может увидеть, пощупать руками каждый.

В-третьих, такое авангардное созидание социализма возможно только как совместное творчество и сотворчество миллионов и десятков миллионов советских людей. И именно через это каждодневное сотворчество в “общем деле” миллионы людей постепенно и осознанно превращались в новую социально-политическую общность – советский народ.

Вот это уже очень важный и политический, и методологический момент. Троцкий, будучи в эмиграции, многократно обвинял Сталина в том, что тот реализует курс на построение бюрократического социализма. Однако социализм для Сталина как идеологический идеал и практическая политическая цель отнюдь не являлся бюрократической игрой, чиновничьей показухой, бюрократической скукой, что произошло гораздо позднее – в 60-е и 70-е годы. Социализм являлся для него, прежде всего, каждодневным, совместным, творческим трудом абсолютного большинства советского народа. Причём, таким трудом, в котором и можно было найти и реализовать общенациональный, коллективный и личностный смысл жизни.

В-четвертых, народ – это не статистический факт, а дух ответственности, именно как живое, жизненное состояние. Поэтому необходимо было в рамках реализации нового цивилизационного проекта сформировать новую систему взаимной ответственности, которая могла бы преодолеть групповой, коллективный, ведомственный, личностный партикуляризм.

Начиная с 1922 года, когда Сталин стал Генеральным секретарем, он целенаправленно стремился превратить компартию в “орден меченосцев”. Нужен был особый политико-организационный инструмент для преодоления тотальной общенациональной безответственности. Причём инструмент, укрепляющий сознательность, осознанность, среди, в основном, неграмотного или малограмотного населения страны. Поэтому “орден меченосцев” должен был, прежде всего, действовать, демонстрируя массовый пример: “Делай, как я, делай, как мы!” В этой стратегии Сталин опирался и на практический дореволюционный опыт ВКП(б) с её двухкомпонентной оргсистемой. На практике же общенациональная корпорация “народ-государство” под названием “СССР” стала трёхкомпонентной системой.

Члены партии как представители “ордена меченосцев” в каждодневной жизни несли гораздо бóльшую, и правовую, и политическую, и моральную ответственность, чем другие граждане страны. Ибо ещё одна стратегическая задача заключалась в восставлении, укреплении массового правового сознания. Справедливость и ответственность реализуются не через лозунги и словесный понос высокопоставленных чинов, а через справедливые законы, обязательные для исполнения всеми.

Чувство ответственности советского народа в 30-е – 50-е годы многократно превышает ответственность расейского населения конца XX – начала XXI века. Это абсолютные несравнимые вещи.

В-пятых, ответственность предполагает, что “великий народ” имеет историческое право на использование всех законных средств для реализации стратегических целей, включая массовое, организованное насилие против своих врагов.

Так называемые массовые репрессии, по сути, представляли собой форму самозащиты нового советского народа, проявление своего рода инстинкта самосохранения накануне большой войны.

Хотя в самой Конституции 1936 года нет нормы, связанной с диктатурой пролетариата, тем не менее, в своём выступлении на Съезде народных депутатов Председатель Конституционной комиссии И. Сталин недвусмысленно подчеркнул бескомпромиссный классовый характер советского государства.

Почему десятки миллионов советских людей в тридцатые годы открыто и искренне поддерживали внутреннюю политику Сталина, в том числе и широкомасштабные репрессии против так называемых “врагов народа”? Почему

не было массовых социально-политических выступлений против этой жесткой сталинской политики? Почему бывшая так называемая “ленинская гвардия” во время открытых судебных процессов 37–38 годов соглашалась практически со всеми предъявленными, самыми абсурдными, казалось бы, обвинениями, даже отдавая себе отчёт в том, что они в любом случае будут расстреляны? Почему маршал Тухачевский сразу же после ареста признался в организации “военного заговора” и собственноручно на 143 страницах (!) подробно, чётким почерком, в деталях описал этот заговор? Почему именно в 1937 году, во время так называемого “большого террора” Исаак Дунаевский написал вдохновенную песню “Широка страна моя родная”, сразу ставшую своего рода народным гимном Советского Союза? Почему Молотов и Калинин продолжали работать в высшем политическом руководстве СССР, рядом со Сталиным, в то время как их жёны оказались в лагерях, осуждённые на длительные сроки? Почему Святослав Рихтер, отец которого был расстрелян, был награждён Сталинской премией и с благодарностью получил её? Почему...?

Говорят, кто-то, то ли Молотов, то ли Калинин, всё же однажды решился прийти к Сталину просить за свою арестованную супругу. “Вождь народов” ответил приблизительно так: “А ты зачем ко мне явился? Твою жену осудил советский суд, обращайся туда. У меня самого есть репрессированные родственники”.

Самый распространённый ответ – страх, люди боялись, и поэтому...

Во-первых, невозможно представить себе “подавленного страхом” Дунаевского, “дрожашей рукой” выводящую партитуру своей знаменитой, проникнутой вдохновляющим оптимизмом песни. Во-вторых, народ, переживший мировую войну, трагедию революции, страшную гражданскую войну, ужасы голода и политические качели 20-х годов, вряд ли можно назвать массовым сборищем трусов.

К началу Великой Отечественной совершенно немыслимое, казалось бы, чудо свершилось – советский народ как действительный исторический субъект реально появился. И он на деле доказал эту свою историческую субъектность, победив в Войне, которую по обычным рациональным меркам выиграть никак не мог.

Более того, никакой другой народ, кроме советского, не смог бы тогда победить действительно великого врага – фашистскую Германию.

Почему Отечественная – Великая?

Наиглавнейшим показателем зрелости данного народа, его величия, его осознания особой ответственности перед своим прошлым и будущим является способность массово порождать героев. Если же герои не появляются или же их число ограничено и случайно, то, скорее всего, данный народ уже совсем и не народ даже, а всего лишь булькающая биомасса.

Во время Великой Отечественной советский народ показал чудеса массового героизма – и на фронте, и в тылу. Никакой другой народ в мире, кроме советского, во время Второй мировой войны не проявил себя именно как “народ героев”.

Великая Отечественная продемонстрировала также, насколько глубоко идеология “общего дела” стала внутренним содержанием массового общественного сознания советского народа. “Борьба с беспощадным врагом”, “защита общей Родины”, действительный патриотизм стали зримым символом общего дела. Кроме того, именно в военный период, и на фронте, и в тылу, “общее дело” массово стало осознаваться “лично моим делом”.

Великая Отечественная выковала высочайшую дисциплину и самодисциплину советского народа. Казалось бы, по этому показателю германский народ, по историческим причинам, безусловно, всех опережал в Европе. Тем не менее, и в этом советский народ пересилил немцев.

Что такое дисциплина и самодисциплина народа? Проявление его исторической ответственности.

Так вот, к концу войны, а возможно, уже с середины 1943 года по этому показателю советский народ был на первом месте в мире. Да, были жертвы, огромные жертвы. Но, сейчас мы можем уверенно сказать, что эти жертвы исторически не были напрасны. В отличие от миллионов погибших, униженных и растоптанных в 90-е годы.

Великая Отечественная, как плавильная печь, завершила формирование героического советского народа. Здесь, на фоне реализации “общего дела” формировались и закреплялись нравственные принципы нового цивилизационного проекта – особое, братское отношение друг к другу, советская солидарность и гуманизм, взаимопомощь вплоть до “Сам погибай, а товарища спасай”.

Мой покойный отец – Султанов Загит Яруллович – оказался на действующем фронте в январе 1943 года. Ему ещё не было и восемнадцати лет. Он был три раза ранен, последнюю пулю, которая застряла у него слева в теле, недалеко от сердца, извлекли только в 1960 году.

Почему-то он не любил говорить о войне. Да и я мало его расспрашивал, в чём сейчас глубоко раскаиваюсь. Но некоторые его слова я помню до сих пор.

Он рассказывал, что немцы очень хорошо воевали. Когда я его спрашивал, почему же тогда мы выиграли, он отвечал так. На нижнем уровне – рота против роты – мы не только были равны, но, может быть, даже были сильнее, чем немцы. Но чем выше был военно-оперативный уровень, тем опыт и искусство германских офицеров и генералитета превосходил наших. Но до поры до времени. Когда же наш офицерский корпус перестал здесь уступать немцам, мы начали выигрывать.

Однажды я спросил его, кто же всё-таки сыграл главную роль в победе. Отец мне ответил, что Сталин, он его глубоко уважал. Он сказал: “Русские солдаты”. Он не сказал, “русские” или “русские офицеры”, а именно “русские солдаты”.

“Почему?” “Те, с которыми я встречался, умели воевать. Кроме того, многие из них потеряли своих родственников на оккупированных немцами территориях. Они хотели мстить. И жестоко”.

У моего отца – очень худого татарского юноши небольшого роста, почти не умевшего говорить на русском, – в первые месяцы на фронте оказался наставник. Его звали Николай. Он сам взялся опекать моего отца, которого на фронте почему-то прозвали Сашей. Так вот, Николай, рассказывал мой отец, научил его очень важным и нужным военным премудростям, которые помогли выжить.

“Сплошная линия немецкого огня. Как безжалостная бритва. “За Родину, за Сталина!”. Рота поднимается в атаку. Кто-то через несколько секунд погибнет. Рядом, всё больше и больше, падают наши, а мы вместе с Николаем идём в атаку и всё же остаемся живы... Если бы не Николай, я бы не выжил...”

Потом отца ранило, он оказался в госпитале, а через три месяца воевал уже в другой воинской части. С Николаем он уже никогда не встречался.

Мой отец, Султанов Загит Яруллович, умер, в том числе от последствий боевых ран, в 1988 году. И последние годы он часто вспоминал своего русского наставника на фронте, и иногда даже плакал. Я его не спрашивал, почему... Чувство ответственности моего отца проявлялось в том, что он никак не мог забыть о своём личном, так и не оплаченном долге перед легендарным русским воином – Николаем...

Когда народ действительно осознаёт себя великим народом, и не просто осознаёт, а массово проявляет своё величие в критической военной ситуации, в ситуации “жизни или смерти” с ним происходят удивительные вещи. Война учит выживать, и война заставляет быть умнее, чем противник.

Война объективно выдвигает на передний план самых изобретательных, самых творческих, самых жизнеспособных. В Великой Отечественной было много случаев, когда люди за несколько лет проходили путь от младшего лейтенанта до полковника.

В жизни, как известно, ничего не даётся даром. Тем более, в жизни народа.

Да, в Великой Отечественной было много жертв, может быть, даже слишком много. Но эта война не только позволила окончательно оформиться в истории принципиально новому советскому народу, но и позволила за несколько военных лет пройти историческую дистанцию, которую другие проходят за десятилетия, а может быть и столетия.

Самое главное, с моей точки зрения, заключается в том, что в советском народе в результате Великой Отечественной сформировалось новое ядро, объективно ориентированное на будущее, – важнейшая ключевая социальная группа – несколько миллионов пассионарных людей, способных к креативному, в том числе и технологическому мышлению, умеющих обращаться со слож-

ной техникой, способных принимать критически важные решения в условиях дефицита времени.

Именно благодаря этим нескольким миллионам советский народ получил возможность начать реализовывать свой цивилизационный проект. Именно благодаря этим людям в сороковые и пятидесятые годы великий Советский Союз стал действительным авангардом мирового развития, демонстрируя самые высокие темпы социально-экономического развития. Тогда не только “цены снижались”, но и советский человек первым оказался в космосе.

* * *

Но потом, на взлёте новый советский народ был безжалостно предан. Переродился “орден меченосцев”. И не просто переродился, а словно куда-то мистическим образом исчез: материальные ценности взяли вверх над вечными.

КПСС Горбачёва, Яковлева, Ельцина предала свой народ, прошлое и будущее своей страны.